

COLUMBIA PICTURES

Вторник, 14 апреля, 1992

Съездил в киношколу поболтать с начальником отдела студентов. Еще два семестра назад умолял его не отчислять меня из-за плохих оценок, чтобы доучиться и снять «Больного на голову». Помню, как показывал ему свои комиксы и короткометражки, пытаясь убедить, что я хороший ученик, хотя отметки говорят об обратном. Он замолвил словечко, и меня не турнули. А сейчас я приехал рассказать ему хорошие новости касательно «Эль Марьячи» и выразить благодарность за предоставленную тогда возможность. Он лишился дара речи, когда я наглядно показал: в его руках великкая власть и возможность влиять на людские судьбы.

Четверг, 16 апреля, 1992

Звонил Марк Уийман, мой юрисконсульт. Сообщил, что переговоры по контракту уже на третьей стадии: к началу следующей недели я смогу подписать контракт и получить кое-какие деньги. Он пояснил некоторые пункты договора, которые смог выбрать специально для меня. Например, положение об обратном переходе прав по трем позициям: «Эль Марьячи», «Больной на голову» и черновой вариант. Это означает, что они могут проработать материал, но если фильм не выйдет в прокат, я при желании получу его обратно.

Также он рассказал об опции трехмесячного продления контракта — если Columbia по истечении двухгодичного срока соглашения воспользуются возможностью и продлят его еще на три месяца, я должен буду предложить им как минимум три идеи, над которыми готов поработать.

Пятница, 17 апреля, 1992

Получил сообщение от Джордана Кроненвета, оператора-постановщика, работавшего во многих фильмах, в то числе и в «Бегущем по лезвию». Его сосед учится с моей женой Элизабет. Не успел я опомниться, как у него оказались копии «Эль Марьячи» и «Больного на голову». Я перезвонил и сначала перекинулся парой слов с его женой Шейн. Ей очень понравились мои фильмы, а Джордан, как выяснилось, пересматривал «Эль Марьячи» несколько раз. Не могу описать, как я был польщен. Я видел фильмы Кроненвета и осознаю цену этих слов. Мой рассказ о сделке с Columbia поверг Элизабет в шок. Позже по второй линии к разговору присоединился Джордан: сказал, что хочет быть моим оператором. Я ответил, что не могу себе позволить работу с ним из-за отсутствия средств. Он согласился: я прав — с ним же придут еще пара десятков осветителей. Кроненветы пригласили меня как-нибудь приехать к ним в Санта-Фе. Я поблагодарил.

Роберт Ньюман говорит, что о моей сделке уже ходит молва, люди спрашивают: «Кто же этот Роберт Родригес?»

Вторник, 21 апреля, 1992

Звонил Марк Джилл, руководитель отдела рекламы в Columbia. Он зачитал текст анонса, который они собираются разослать издателям на этой неделе. Мне понравилось. Стефани Эллин по телефону сообщила, что они ждут меня в среду, а в Техас я вернусь в субботу.

Среда, 22 апреля, 1992

Соседи по гостинице изумляются, что это за парень в спецовке садится в огромный белый лимузин. Водитель извинился за это авто: предполагалось, что я поеду в обычной машине, но он не успел ее сменить. Я успокоил его. Все в порядке. Теперь все вокруг думают, что я торгую наркотиками.

Сегодня впервые в жизни полечу первым классом. Отлично. С моим ростом в 1,88 метра я наконец-то смогу вытянуть ноги, сидя в мягким кресле. Сначала подали красное и белое вино, шампанское, овощной салат с ароматным хлебом и свежие креветки. Потом — большую тарелку печеного картофеля с бифштексом из вырезки и на десерт мороженое с фруктами и орехами. Добравшись до Лос-Анджелеса, я позвонил Ньюману по телефону, который был в машине. Меня отвезли в гостиницу Westwood Marquis, а там попросили внести на депозит 400 долларов — на мелкие расходы. Я отдал 60 баксов — все, что у меня было, и отправился в номер. Два больших телевизора, набитый холодильник, забитый буфет, халат (очередной сувенир на память) и еще куча всего прочего.

Заехал в агентство. Роберт поделился копией завтрашнего пресс-релиза, и мы вместе с ним и Дэвидом отправились в какой-то дорогой ресторан. Еда была ужасной, но я засек там Джеймса Коберна, поэтому, скорее всего, просто что-то не то заказывал. Каждый раз, когда говорю своим агентам, что хочу сходить в нормальный ресторан с недорогой вкусной едой, они почему-то смеются.

Четверг, 23 апреля, 1992

В полдевятого утра разбудил телефонный звонок. На связи Роберт Ньюман: «Ты уже видел публикации? Быстро пролистай журналы и перезвони». «Что-то случилось?» — спросил я. «Просто посмотри и перезвони мне». Он повесил трубку, а я уже готовился к худшему. Приняв душ, сбегал к газетному киоску. Отличные новости! Я — на обложке Daily Variety!

Набрал Роберта и услышал: «Поздравляю! Думаю, сегодня неплохой день, чтобы заглянуть в агентство».

Я сидел в офисе Роберта и принимал поздравления от других агентов. Благодарил каждого и спрашивал: «А вы кто?» Так я познакомился с Лу Питтом (агент Арнольда Шварценеггера), Джо Фуничелло (агент Джоди Фостер, который сказал: «Вот это да! Обложка! Когда Джоди заключила свой контракт, она появилась всего лишь на третьей странице»), Джеком Джилларди (агент Жан-Клода Ван Дамма) и генеральным директором и президентом Джейфом Бергом (агент Джеймса Кэмерона).

Стефани отвезла меня в южный Лос-Анджелес на съемочную площадку «Поэтичной Джастис» Джона Синглтона. Он сам подошел ко мне и поздравил. Еще я познакомился со Стивом Николаидесом и мужем Стефани, Митчем Маркусом. Мы немного поговорили о создании фильмов. Он спокойный и очень клевый.

После этого мы со Стефани поехали в какой-то итальянский ресторан, где я увидел Криса Ли из TriStar. Он сообщил: «Джон Ву в городе, не хочешь с ним познакомиться?» Конечно, хочу. Но Крис сбежал раньше, чем я успел выяснить, где же все-таки можно встретиться с Джоном Ву.

Вернулся на площадку, и помощник Стефани провел для меня экскурсию. Видел, как в технической комнате художник цифровой ручкой обрабатывал кадр из «Нескольких хороших парней», всего несколькими мазками превращая актера в Джокера.

Встретился с Майклом Натансоном и Марком Кантоном. Последний наконец-то посмотрел «Эль Марьячи» и с радостью сообщил, что полностью солидарен со всеми другими восторженными зрителями. Он заверил, что так происходит не всегда и ему часто нравится что-нибудь, что не нравится другим, и наоборот.

Со временем «Франкенвини» Тима Бертона, после которого ему еще было доверено снимать «Большое приключение Пи-Ви», Майкла больше никто так не впечатлял. Ни один талантливый новичок. Он поделился некоторыми мыслями по поводу ремейка «Эль Марьячи»: именно этот проект

должен быть моим первым в Columbia, потому что это «чертовски крутая задумка». Марьячи с гитарой, пушки в футляре и все такое прочее...

Он спросил у Стефани, получил ли я фирменную кожаную куртку Columbia. Нет, не получил. Ей было велено немедленно прислать мне такую. Еще он интересовался по поводу прав на оригинальную запись «Эль Марьячи». Они хотят обладать этими правами из-за ремейка, ведь я же не продал еще фильм на испанский видеорынок, не так ли? Я сказал, что уже вплотную подошел к этому, но все же не продал и обладаю всеми правами. Они совсем не хотят потратить пять или шесть миллионов на ремейк «Эль Марьячи», а потом обнаружить, что кто-то выпустил на видеокассетах оригинал.

На выходных он собирается передать копию фильма Питеру Губеру. Стеф сказала, Кантон звонил ей прямо в машину, чтобы поделиться своим восхищением.

Пятница, 24 апреля, 1992

Поговорил с Ричардом Льюисом об идее, выборе команды, логистике и т. п. Он позаботится, чтобы Columbia прислали мне PowerBook* и я смог приступить к сценарию.

Познакомился с Сидом Ганисом в Columbia, он отвечает за маркетинг. Больше всего в «Эль Марьячи» ему понравился монтаж. «Кто этим занимался, ты?» Я кивнул и сказал, что если посмотреть внимательно, можно заметить — мое имя встречается в титрах слишком часто. Чтобы скрыть отсутствие команды, пришлось разбавить список съемочной группы вымышленными именами. Мы опасались, что распространители меньше заплатят за фильм с короткими титрами — хотелось, чтобы все выглядело полноценно и дорого, а мы могли просить большую цену. Сид поржал.

Встретил Марка Кантона с Питером Губером. Они выходили из здания, и Марк крикнул: «А, вот он!» Губер пожал мне руку и сказал, что с нетерпением ждет фильм.

* Линейка ноутбуков, выпускаемая фирмой Apple с 1991 года.

Роберт Ньюман отвез меня в ресторан Ivy, где за соседним столиком снова оказался Роджер Мур (он следит за мной!). Я заказал стейк, картошку и два десерта и после ужина улетел в Остин.

Воскресенье, 26 апреля, 1992

Проснулся в полдесятого с Элизабет, которая закончила обучение. Первый раз за долгое время мы в конце концов смогли лечь спать вместе. Это так приятно. Она уезжала на трехдневные занятия в Хьюстон, а потом вернулась в Остин, чтобы поработать еще три дня и получить степень.

Мы провалялись в кровати до 11, и я наконец сказал: «Что ж, пора приступать к работе. Передай мне, пожалуйста, список фильмов». Мне очень нравится моя новая работа. Очень-очень!

Понедельник, 27 апреля, 1992

В киношколе встретился с Ником Коминосом: он рванул ко мне, растолкав локтями людей в лифте. Я сказал, что, вопреки его предсказаниям, мне все-таки удалось снять фильм. «Знаю, знаю», — ответил он и начал втирать мне какую-то фигню — типа, не следовало никогда даже упоминать, что фильм стоил меньше 10 тысяч долларов. Он всегда был в курсе моего бюджета и даже сам хотел вложиться. Считает, что теперь, зная, что я могу работать задешево, меня будут эксплуатировать и лучше бы я сказал, что фильм обошелся в 70 тысяч долларов.

Но я думаю, в этом нет никакого смысла. Пускай знают, что я умею делать фильмы, несмотря на размер бюджета, потому что все очень тщательно планирую и продумываю. Все, кто видел мою работу, говорили, что в ней есть нечто особенное: съемка, режиссура, монтаж и т. п.

Он сказал, что они просто не умеют видеть картинку целиком. По его словам, лучше бы отметили, что в фильме неплохой сюжет, и все. Это гораздо больше сказали бы о самом фильме. Я объяснил, что на самом-то

деле все говорили и об этом тоже и теперь хотят, чтобы я сделал ремейк. «Угу» — все, что он произнес. Порой люди такие недоброжелательные.

ГЛАВА 8
COLUMBIA PICTURES

Вторник, 28 апреля, 1922

Стефани Эллин звонила с хорошими новостями: Питеру Губеру полюбился «Эль Марьячи». Полюбился настолько, что, по его мнению, фильм хорош и так!

Еще она сказала, что завтра меня ждут подарки. «Что?» — спросил я. «Сюрприз!» — услышал в ответ.

Четверг, 30 апреля, 1992

Роберт Ньюман звонил сегодня дважды. Сказал, что Харви Вайнштейн, президент Miramax, попросил не продавать «Эль Марьячи»: он просто убить готов за оригинал. В его планах пустить фильм в прокат именно таким, какой он есть. Роберт передал мне его слова: «Этот парень — просто Джеймс Кэмерон, Люк Бессон!» Ньюман очень рад, потому что теперь может продать фильм за гораздо большие деньги, чем мы могли себе представить. Еще он сообщил, что Арнольд Копельсон, продюсер «Вздоха», тоже крайне заинтересован в правах на оригинал «Эль Марьячи».

Оригинал? Зачем? Кому он нужен? Кто захочет его смотреть? Он на испанском и в нем нет нормальных актеров. Я попросил Роберта сообщить в Miramax, что уже посыпал им пленку и они отказались. Да, отказались — пока не узнали, как он создавался. Тогда они судили по характеристикам фильма и решали, может он существовать как полноценный фильм или нет. Лучше я сделаю хороший ремейк и буду уже его показывать всем вокруг. А первый «Эль Марьячи» — мой пробный фильм. Пусть его выпустят потом, как посмертно печатают рукописи писателей.

Звонил Ричард Линклэйтер, мой земляк, режиссер «Халявщика» и готовящегося к выходу «Под кайфом и в смятении». Мы не знакомы — он

просто хотел узнать, кто я такой и чем занимаюсь. Он слышал об «Эль Марьячи» и разговорах о нем Сэма Пекинпана и Педро Альмодовара. Мы здорово поболтали о кинематографе, и ему захотелось посмотреть мою пленку. Я заеду к нему в офис, закину фильм и заодно заценю его оборудование, программы для написания сценария и т. п.

Звонила Стефани Эллин, сказала, что я получу свой подарок утром. Она рада, что я живу не в Лос-Анджелесе, потому что в среду там начались такие беспорядки из-за дела Родни Кинга. Она рада? Это я рад, что не живу в Лос-Анджелесе.

Пятница, 1 мая, 1992

Уехали с Лиз в хьюстонский Университет Райса на ее выпускную церемонию.

Понедельник, 4 мая, 1992

Звонили Роберт Ньюман и Дэвид Виртшафтер, чтобы сообщить о своих планах по продаже «Эль Марьячи» в Columbia. За права на него они запросят 250 тысяч долларов. Я рассказал, что еще пару месяцев назад, до того, как начал работать с агентством, я собирался отдать фильм за 25 тысяч долларов. Они ждут от меня очередного представления.

С утра был неожиданный звонок от Джо Розенберга, работающего с Люком Бессоном. Джо рассказал, как ему понравился «Эль Марьячи».

Вторник, 5 мая, 1992

Получил подарок от студии! PowerBook!

Когда я был уже дома, позвонил Роберт Ньюман с последними новостями. Он просил Даррелла Уокера передать «большим людям», что мы хотим 250 тысяч долларов за «Эль Марьячи» и 15% прибыли с проката.

Роберт думает, что Арнольд Копельсон согласится на это. Даррелл поговорит с боссами и подумает, что можно сделать. Они очень хотят заполучить этот фильм. А я все еще жду свои первые деньги за него.

Четверг, 7 мая, 1992

Навестил в студенческом городке Чарльза Рамиреса-Берга. Он рассказал о показах «Больного на голову» и трейлера к «Эль Марьячи» на занятиях: они имели большой успех. Студенты просто сходят с ума. Он предлагает изредка заезжать и отвечать на их вопросы.

Мой агент Дэвид сообщил, что контракт уже почти оформлен, но они все еще обсуждают судьбу оригинала «Эль Марьячи». Я сказал, что мне нужны деньги. Чуть позже он перезвонил и проинформировал, что пришлет по факсу документ, который нужно подписать, и завтра же придет аванс в 25 тысяч долларов. Я был очень возбужден. Вскоре на связь вышел Марк Уйман и порадовал, что не выслал авансовый документ, потому что это затруднит переговоры и Columbia может, например, сказать: «Мы уже дали ему деньги, bla-bla-bla...» Хорошо, что у меня есть Марк Уйман, заботящийся о моих интересах. Хотя я снова на мели.

Звонила Стефани, они ждут меня 18 мая на встрече с Кантоном. Хотят обсудить возможность замены концовки фильма «Эль Марьячи» и судьбу оригинальной записи — будут ли они ее выпускать на видео, поставят на полку или полностью переделают.

Звонил Ричард Льюис — передать привет и поделиться мыслями о том, что происходит. У него сложилось впечатление, что Columbia хочет выпустить оригинальную версию «Эль Марьячи» и не делать ремейка. Я не был в этом уверен, но если вдруг это правда, то я за выпуск ремейка «Эль Марьячи». А оригинал поставлю на полку или, может быть, продам другой компании, например Miramax. Посмотрим, чем же все-таки закончится эта бесконечная мыльная опера с »Эль Марьячи».

Пятница, 8 мая, 1992

Роберт Ньюман позвонил из Канн. Columbia сделали встречное предложение: 100 тысяч долларов за фильм плюс 50% со сборов в кинотеатрах и 25% — с продаж видеокассет. Его это очень удивило — он был уверен, что они либо пошлют его подальше, либо просто приобретут ленту. Я сказал, что прилетаю в тот же день, когда он сам возвращается, поэтому у нас есть время подумать и решить, принимать такое предложение или еще поторговаться.

Все это слегка беспокоило меня. Деньги, конечно, очень большие, но не думают ли они, что у меня есть копия кинопленки для кинотеатров? Знают ли, что фильм существует только на магните? Если я признаюсь, что у меня никогда даже не было никаких негативов и финальной копии, они могут отказаться платить. Я спросил об этом Роберта. Он говорит, что если захотят, сами смогут сделать копию для кинотеатров. Думаю, это будет не так просто. Им, наверное, придется как-то монтировать, редактировать и подгонять фильм, потому что у меня нет там никаких тайм-кодов и... Впрочем, это уже не моя проблема.

Среда, 13 мая, 1992

Дэвид Виртшафтер сообщил, что Марк Уйман уже вплотную подошел к завершению оформления сделки, и все должно быть готово уже сегодня. А еще Columbia подняли свое предложение до 150 тысяч долларов за права на оригинал «Эль Марьячи» (авторский гонорар — 25%). Денег, чтобы все раскрутить, потребовалось не так много, поэтому сделка очень выгодная. Они с Марком думают, что такое предложение надо принимать. Дэвид отправит оригиналы контракта в Columbia, и мне перечислят 25 тысяч долларов. Также он напомнил, что 75 тысяч заплатят после подписания и 37,5 тысячи долларов — за первый этап работы над сценарием к сиквелу «Эль Марьячи». Затем, если в Columbia дадут зеленый свет для дальнейшей работы, мне выплатят еще 150 тысяч — за передачу сценария. Сумма независимого платежа, когда я буду уже режиссером,

составит 200 тысяч долларов (вне зависимости, окажется фильм успешным или нет) и еще 250 тысяч со сборов. То есть, чисто теоретически, на следующей неделе у меня уже будет 150 плюс 125 плюс 250 плюс еще 200 штук — как сказал Дэвид, «огромная куча денег».

Я пришел ниоткуда и всегда успею вернуться обратно. Сейчас, даже если с Columbia дела пойдут плохо, все равно смогу устроиться куда-нибудь еще и работать над хорошим проектом. Так что, думаю, я все делаю правильно. Но пока лучше продолжать собирать халаты из гостиниц. Мало ли.

Пятница, 15 мая, 1992

Звонил Марк Уийман, рассказал последние новости по поводу переговоров. Придется заново заверить документ, поскольку та версия, которую я подписал, не прошла через него и нужно все проверить. Бабки снова убегают от меня.

Я заложил камеру, чтобы получить немного денег. Это уже край, я спустился на самое дно — закладываю свою самую ценную вещь, чтобы прокормиться.

Воскресенье, 17 мая, 1992

Меня забрала машина и отвезла в аэропорт, где я и пишу эти строки. Снова остановлюсь в Westwood Marquis и снова буду есть хорошую еду. Странное ощущение. Здесь, в Техасе, мы с женой едва можем позволить себе салат, а как только я прилетаю в Лос-Анджелес, сразу же ем как король, и бесплатно. Придется взять кредит, чтобы мы могли оставаться на плаву до появления хоть каких-то денег. Очень боюсь, что они изменият свое решение и я так никогда и не увижу денег. Я вырос в семье, где кредиты всегда означали плохие вести. Думаю, это и было основной причиной, по которой мы с Карлосом хотели вложить в «Эль Марьячи» только собственные средства. Мы обращались с деньгами очень осторожно, и поэтому не пришлось возвращать долги.

Вторник, 19 мая, 1992

Встал пораньше, чтобы подправить заготовки по «Эль Марьячи».

Приехал в Columbia, где Марк Кантон, Стефани Эллин и Майкл Натансон обсуждали, как изменить концовку, чтобы выглядело более многообещающе. Они боятся, что оригинальная версия, в которой Марьячи теряет возможность пользоваться рукой — а значит, больше никогда не сможет играть на гитаре, — не слишком хороша для планирования продолжения. Это слишком печальный финал фильма.

В конечном итоге мы пришли к компромиссу: действия остаются прежними, но я изменю последние авторские слова. То есть девушка все равно погибает, Марьячи также ранят в руку, но это будет рана *не* на всю жизнь. В оригинальной версии говорится: «С таким ранением я, наверное, уже никогда не смогу играть на гитаре». Они хотят, чтобы я поменял слова на: «Не знаю, смогу ли я с таким ранением играть на гитаре». А потом он все так же уезжает на мотоцикле со всеми пушками и собакой. О'кей, с этим я могу жить. Жаль, что не придется переснимать концовку.

Если бы они отправили меня обратно в Мексику с 16-миллиметровой камерой и 2 тысячами долларов, я переснял бы не только концовку, а половину фильма, стараясь сделать его гораздо лучше. Если бы я только знал, что его могут увидеть столько людей, работал бы гораздо усерднее...

До четверга надо решить, будем мы просто выпускать оригинальную версию с последующим сиквелом или лучше поставить оригинал на полку и сделать сначала ремейк? Я бы выбрал второй вариант. Что ж, узнаем в четверг.

Стефани сообщила, что я должен получить деньги до отъезда и что у меня назначено интервью с La Times по поводу сделки ICM/Columbia. Так что я пробуду здесь как минимум до пятницы.

Съездил в Trilogy. Их офис увешан постерами из «Робина Гуда» и «Огненного вихря». Они боятся, что Columbia захочет просто выпустить оригинал «Эль Марьячи», *а не* ремейк, и сразу приступить к сиквелу. Так мне

придется окунуться в полный процесс создания фильма, что означает для начала написание сценария. По их мнению, это может занять целую вечность, а хочется избежать такого развития событий. Главной причиной, по которой я пришел в Columbia, было то, что, как мне казалось, я смогу почти сразу же взяться за камеру. Что ж, посмотрим, как пойдет.

Мы с Робертом Ньюманом сходили на премьеру «Чужих-3». Встретили Дэвида Голдберга, и Роберт представил нас друг другу. Дэвид накануне посмотрел «Эль Марьячи» и прыгал от удовольствия. Ему очень понравилось, и он хочет представить меня кое-кому: он отодвинулся, и я увидел копну белых волос. Это был Билли Айдол. «Привет, рад познакомиться», — сказал он. Дэвид рассказал ему о моем фильме и предложил показать. Билли произнес: «Конечно, с удовольствием посмотрю». На главном этаже лежал красный ковер, веревочные ограждения не пускали журналистов. Я пошел по ковру и не успел моргнуть, как парень, шедший впереди, остановился, и тут же засверкали вспышки фотоаппаратов. Жан-Клод Ван Дамм. Он стоял перед камерами, и я постарался пройти за его спиной очень медленно, чтобы тоже попасть в объективы. Еще я видел Аполло Крида, Билла Пэкстона, Лэнса Хенриксена, Кэтрин Бигелоу, Уолтера Хилла, Эла Банди, удалось познакомиться с Тедом Талли (сценарист «Молчания ягнят»). Роберт Ньюман всю дорогу домой нудил по поводу фильма: «Вы не сняли пушки! Чужие и без оружия! Как же так? Да на него не придет ни один дурак!»

Среда, 20 мая, 1992

Придумал, как все-таки заставить их положить на полку оригинального «Эль Марьячи». Раз они хотят пустить в прокат оригинал, его нужно сначала подредактировать, провести несколько досъемок. Я рассказал Стеф об огромной экшен-сцене, первоначально задуманной в третьем акте, но не снятой из-за необходимости срочно возвращать камеру. Если фильм собирается смотреть куча людей, я хотел бы добавить в него то, что изначально и задумывал. Ну, может быть, еще немного экшена. Им это

ничего не будет стоить — где-то пару тысяч долларов. Подобные суммы тратятся на мое проживание в гостинице, так почему бы не вложить деньги в фильм? Я дешевый работник.

Стефани попросила прислать перечень планируемых изменений. Гигантский список всего, что только пришло мне на ум, я отправил факсом Марку Кантону. Если идей и запросов окажется перебор, они просто скажут: «А, забей. Давай лучше сделаем полный ремейк». Как же я ошибался...

Вскоре позвонила Стефани, чтобы поговорить о моих задумках. Но я хочу сделать ремейк «Эль Марьячи», а не пускать в прокат оригинал. Он недостаточно хорош, слишком груб и, что называется, не держит мою марку. У меня не было денег — это просто любительский фильм! Зачем любительские фильмы показывать всему миру? Лучше сделать действительно что-то стоящее, от чего люди будут в восторге. А так они посмотрят «Эль Марьячи», пожмут плечами и скажут: «Ну и чё?» Не такую реакцию я хотел вызвать у людей своим первым фильмом. Первым настоящим полноценным фильмом. «Эль Марьячи» я не расцениваю как полноценный фильм. Я, конечно, рад, что он всем понравился, но для меня это все же просто пробная работа.

Стеф посоветовала без стеснения высказывать подобные мысли на совещаниях. Марка Кантона и Майкла Натансона я никак не задену и не оскорблю. Они уже все это слышали. Она спросила, понравились ли мне парни из Trilogy. Я ответил утвердительно, и она предложила познакомиться с другими продюсерами, например со Стивом Николаидесом. Мне нужен линейный продюсер. Продюсер до мозга костей. Я сказал, что готов на все.

Звонил Дэвид Виртшафтер — пояснил, что надо определиться с желаниями. Если я хочу познакомиться с другими продюсерами, в итоге придется обрубить все связи с Trilogy. Но все, что мне нужно, так это немного поучаствовать в процессе разработки, и неважно, кто вовлечен в производственную цепочку. Чуть позже он перезвонил и сообщил, что поговорил с Пеном Дэншамом, и тот все понял.

Поехал в ICM на интервью. Одно из тех, которые организуются для представления новичка общественности. В комнату меня сопроводили Роберт Ньюман и Энди Маркс — журналист из LA Times, внук великого Грачо Маркса. Все чаще замечаю, что постоянно встречаюсь с потомками и родственниками знаменитостей.

Я выложил Энди всю свою историю, точнее, столько, сколько смогло уместиться в одном интервью. Мы довольно долго и с удовольствием разговаривали. И Майк (журналист из ICM), и Роберт отметили, что интервью прошло на отлично: я был искренним, и мой рассказ оказался очень интересным и подробным. Клево. Они сказали, чтобы я привыкал к подобным интервью, их будет много.

Поехал на встречу с Кантоном. Он с командой еще раз посмотрел концовку «Эль Марьячи», чтобы понять, осталась она после изменений авторских слов мрачной или нет. Фильм снова произвел впечатление. Они в очередной раз принялись расспрашивать, как я умудрился отснять весь материал совсем без бюджета. Объяснил, что когда снимаешь низкобюджетный фильм, приходится серьезно продумывать и подготавливать все кадры, предварительно проигрывать все в голове и снимать только то, что реально будет использовано. По минимуму лишнего материала. Плюс — так можно обходиться и без команды. Ведь даже если съемочная группа работает бесплатно, людей все равно приходится кормить, а это тоже надо учитывать. Я снимал, предварительно много планируя и не полагаясь ни на кого, словно это был документальный фильм.

Марк сообщил, что они приняли решение показать фильм в кинотеатрах. После первого сеанса станет понятно, распространять фильм только в Мексике и Южной Америке, а для американской аудитории сделать версию на английском, или же выпускать его в ограниченном числе артхаусных кинотеатров в Америке, а позже сделать сиквел.

Я подумал — сейчас самое время занять твердую позицию: не могу даже представить, что кто-либо заплатит семь баксов за фильм с бюджетом

7 тысяч долларов. Это всего лишь любительский фильм, и мне будет не по себе, когда фильм начнут рекламировать и показывать в кинотеатрах. Марк Кантон махнул рукой: «Ты не знаешь, о чем говоришь. Ты никогда не показывал свои фильмы перед реальной аудиторией, так ведь?» Я кивнул. «Вот и славно! Мы, по крайней мере, позволим тебе почувствовать, что это такое — показывать свою работу настоящим зрителям, а потом уже сам решишь, убирать его на полку или продолжать прокат», — с этими словами он повел меня к двери.

Кажется, теперь он попался. И я выдал: «Но мы не можем его показывать в кинотеатрах — у меня нет и никогда не было прокатной фильмокопии. Я монтировал сразу на видеопленке».

Марк остановился, задумался на пару секунд, затем снова махнул рукой: «Не волнуйся, мы ее сделаем». Стефани заулыбалась.

Хм, даже я не смогу отказаться от такого. Если они хотят потратить бабки на создание копии на 16-миллиметровой или даже 35-миллиметровой кинопленке — только чтобы люди могли посмотреть фильм, стоит заткнуться и подождать в сторонке. Мне нравится наблюдать, как организуется целый проект по переводу моего фильма на большой экран.

Я затронул вопрос, что произойдет, если «Эль Марьячи» плохо покажет себя в прокате. По словам Роберта, в этом случае Columbia может обломать создание сиквела, а это значит, что я еще долгое время не смогу оказаться за камерой. Но сиквел был главной причиной, по которой я начал сотрудничать с Columbia. Завтра мы снова все обсудим. Роберт сказал: «Нужно привлечь тебя к работе, как можно быстрее дать в руки камеру, чтобы ты мог показать людям, на что способен с настоящим бюджетом и оборудованием». Полностью с этим согласен.

Пятница, 22 мая, 1992

Мы с Ньюманом попытались прояснить все у Стеф. По ее словам, изначально они не собирались выпускать оригинального «Эль Марьячи»,

потому что надо еще поработать над персонажами. Но они не хотят, чтобы пленка просто пылилась на полке. У фильма есть потенциал, и пока не попробуем, не узнаем, чего он стоит. Роберт расслабился. А потом напомнил, что сделка по оригинальному «Эль Марьячи», в принципе, достаточно неплохая. Я получу не только 150 тысяч долларов за продажу прав на распространение, но и 25% со сборов. То есть, например, если будет продано 10 тысяч видеокассет, я получу еще 125 тысяч долларов.

Я пообедал со Стеф и был готов ехать в аэропорт на пятичасовой рейс, но машина так и не появилась, а у меня не было денег на такси. И я пропустил свой самолет.

Наконец-то получил первый чек — 13 тысяч долларов, после вычета всех налогов и комиссий. Но как только он появился, позвонил Марк Уийман и попросил не обналичивать. Именно сейчас меня оформляют в качестве официального сотрудника, и обналичивание только усложнит процесс. Проклятье! Теперь, наконец, у меня есть этот чертов чек, но по-прежнему ни гроша в кармане, потому что не могу его обналичить! Мне не победить!

Думаю, эти парни не понимают, что это такое — быть на мели и держать в руках чек на 13 тысяч долларов. Уверен, они сейчас думают: «Ему трудно подождать еще немного? Что он будет делать с такими деньгами? Сразу побежит тратить?» Нет, им не понять, что невозможно находиться в таком состоянии. В голову лезут ужасные мысли — что я никогда так и не получу деньги, Columbia передумает и, уже поманив меня, заберет чек обратно. Я начинаю психовать.

Просидел у Стеф дома до полуночного рейса. Смотрел телевизор: показывали прощальный выпуск *Tonight Show* Джонни Карсона. Наконец-то приехала машина и отвезла меня в аэропорт. В Остин прибуду к девяти утра. Один мой старый товарищ по киношколе летел в этом же самолете на выпускной вечер. Заметил меня в салоне первого класса и поинтересовался, как дела. Его заинтриговала вся эта шумиха из-за статьи в журнале. Я рассказал о сделке с Columbia и о прочих сумасшествиях. Из самолета мы выходили вместе.

Обычно водитель ждал меня около ворот, но сейчас его там не было. Видимо, что-то случилось, и я решил идти пешком, чтобы поймать такси.

Вскоре водитель появился. Тот же парень, который отвозил меня в аэропорт Остина. Он помахал рукой в знак приветствия, забрал сумки и ушел. Я вел себя так, как будто все было в порядке вещей. Одногруппник спросил меня насчет этого парня и почему он забрал мои вещи. Пришлось объяснить, что Columbia платит за перелет и предоставляет водителя. Мы вышли наружу и увидели, как водитель кладет сумки в огромный черный лимузин. Мы засмеялись: я сказал, что мне всегда дают обычную машину, но водитель иногда не успевает сменить ее. «Да ну тебя!» — хотел он.

Позвонил Уийман, порадовал — я могу наконец обналичить чек, что я сделал, как только добрался до банка. Ну, слава богу!

Воскресенье, 24 мая, 1992

Мы с Лиз проспали до полудня, затем сходили в оптовый магазин «У Сэма» и накупили тонну еды, нижнее белье, носки, обувь, шкафчик для документов, мощный фен, тостер и складной саквояж для одежды. Аллилуйя!